

Переводы

ЭВЕЛИН РУППЕРТ

Голдсмитский колледж, Лондон, Великобритания

Государственные топологии устройств хранения баз данных

В коммерческих и государственных организациях базы данных содержат большие объемы цифровой информации о проведенных операциях (совершенных покупках, приобретенных услугах, переведенных средствах, полученных премиях и лицензиях, пересеченных границах и купленных билетах). Под данными мы понимаем текущие динамические показатели деятельности людей. Для государственных организаций были разработаны многочисленные устройства хранения баз данных, задача которых объединить данные разнообразных сервисов для того, чтобы установить закономерности, а также определить и оценить эффективность деятельности отдельного человека или группы людей. С приходом к власти «новых лейбористов» в Великобритании разработка подобных устройств стала частью широкой государственной политики, которую называют «объединенным мышлением и управлением». При анализе этой политики под «объединением» понимается операция по сведению вместе распределенных данных о субъектах, которые затем могут быть использованы для осуществления государственного контроля, составления баз данных и накопления инфор-

165

Эвелин Рупперт — PhD, профессор социологии Голдсмитского колледжа (Лондон, Великобритания). Научные интересы: социология управления, big data, методы социальных наук, STS, переписи населения, открытые правительственные данные.

Evelyn Ruppert — PhD, Professor of Sociology at Goldsmiths University of London. Research interests: sociologies of data and governing, big data, social science methods, science and technology studies, population censuses, open government data.

Данная работа была написана при поддержке Совета экономических и социальных исследований (грант RES000-22-3493), «Последняя перепись. Управляя Британией с помощью метрик». Предыдущая версия под названием «Топологии идентификации» была представлена на конференции «Меняющиеся культуры. Культуры изменений», Голдсмитс, Лондонский университет и Университет Барселоны, 10–12 декабря 2009 года. Я также благодарю Целию Льюри и шестерых анонимных рецензентов за предложенные комментарии и замечания.

Перевод с английского Елены Напреенко по: Ruppert E. (2012) The Governmental Topologies of Database Devices. *Theory, Culture & Society*, 29(4/5): 116–136. Публикуется с разрешения автора. Редакция благодарит Н. Руденко за помощь в работе над переводом.

мационного капитала. По нашему мнению, задачи таких устройств отражают не техническая и управленческая аналитика, а топологические аналитические материалы — они материализуют «индивидуальность» субъекта в утрированной, распределенной и неустойчивой форме, а также материализуют и усиливают логику, которую Делез назвал «модуляцией контроля». На примере программ «новых лейбористов» в области социальной политики за последние десять лет мы выявляем, что топологические аналитические материалы указывают на регулярные, а не случайные характеристики баз данных, которые, в свою очередь, выступают неотъемлемой частью государственной логики и онтологии субъектов.

Ключевые слова: control, database, digital devices, government, metrics, topology, transactions

doi: 10.22394/2074-0492-2018-3-165-192

166

Большинство государственных департаментов ведут записи (часто в электронном формате), содержащие идентификационные данные о людях и полученных ими услугах. Новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) позволили усовершенствовать процессы оцифровки государственных документов, а также их хранения, обработки и осуществления поиска по объемным архивам персональных данных. По оценкам специалистов, по состоянию на 2005 год в публичном секторе Великобритании хранилось 300 миллионов документов, содержащих личную контактную информацию [Office for National Statistics, 2005, p. 7]. Подобные идентификационные базы данных еще совершенней в коммерческом секторе, где «информационный капитализм» стал главным генератором знаний [Thrift, 2005]. Walmart, например, хранит 460 терабайт пользовательских данных, а Tesco владеет информацией о покупках, совершенных 14 миллионами домашних хозяйств за два года, что охватывает 40% населения Великобритании¹. Люди также накапливают данные о самих себе, пользуясь различными приложениями и программами, которые отслеживают все аспекты их жизни: пищевые привычки, тренировочные программы, уровень удовлетворенности, схемы расхода средств и даже режим сна детей [Wolf, 2010].

Во всех приведенных случаях используются различные аналитические устройства, которые позволяют обнаружить закономер-

1 Оценка Wal-Mart от Hays [2004] и оценка Tesco от Andrew Fearne презентованы на семинаре “New Populations” в Открытом университете, Милтон-Кинс, 30 апреля 2009 года.

ности и особенности в поведении отдельных людей и целых групп на основе совершенных ими транзакций, действий и поступков, зафиксированных в различных базах данных. В политической сфере эта процедура получила название «объединенного мышления и управления», или же «соединение по точкам» в базах данных [Амоог, 2009]. При «новых лейбористах» британское правительство разработало и внедрило несколько баз данных, построенных в соответствие с этой логикой: в одном отчете говорится о существовании 46 баз данных — от баз данных правоохранительных органов и органов опеки до программы e-Borders по сбору данных обо всех въезжающих и выезжающих с территории Великобритании, причем нередко между различными государственными органами существует перекрестный обмен данными [Anderson et al., 2009]. В связи с этим в упомянутом отчете Великобритания называется «государством баз данных». Некоторые из этих баз данных возникли как следствие стратегии «Переходного управления» новых лейбористов, которая предусматривала использование технологий в целях осуществления реформ в сфере политики и оказания услуг:

Правительство XXI века вооружено технологиями: ими продиктована политика, с их помощью реализуются реформы в бизнес-сфере, от них зависят пользовательские и корпоративные сервисы, их исследованием занимается демократическое движение. Кроме того, современное правительство, строящее серьезные преобразовательные планы, рассматривает технологии как стратегический актив, а не только тактический инструмент. Технологии сами по себе не могут трансформировать правительство, однако правительство не может трансформироваться в соответствии с ожиданиями граждан без их участия [Cabinet Office, 2005, p. 3].

167

Некоторые из этих баз данных подверглись более тщательной проработке, чем другие, и в период действия коалиционного правительства консерваторов и либеральных демократов они, вероятно, будут реструктурированы или, возможно, вовсе приостановлены¹. Нет сомнения, что правительство баз данных только становится предметом научного изучения и, в определенной степени, реализует цели и задачи объединенного мышления. Они так же становятся объектом пристального внимания общественности. В научных исследованиях базы данных подвергаются жесткой критике. Например, в сфере социальной политики базы данных опеки «просто не соответствуют своему назначению» [Shaw et al., 2009] и допуска-

1 Во время написания статьи коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов упразднило программу Identity Cards и детскую базу данных ContactPoint.

ют множество интерпретаций из-за того, что пользователи по-разному трактуют и используют инструкции и термины [Pithouse et al., 2009]. Так как эти базы данных зависят от самых разнообразных комплексных социально-технических аспектов — работников, компьютеров, программного обеспечения, документов и прочих разнообразных агентов, участвующих в цепочке отношений, то их операции отличаются высокой вариативностью и случайностью, что приводит на практике к множественности операционных систем. Однако критика часто бывает обращена против собственно программ центрального правительства, вне зависимости от того, является база данных в этом случае решением и вспомогательным инструментом или нет. В течение долгого времени центральное правительство с помощью многочисленных устройств пытается добиться соответствия, преемственности и согласованности программ, усмирить несогласованность действий на местах и специфичность местных практик за счет внедрения стандартов, форм, правил, полей для отметок, процедур, требований к отчетности и т. д. Базы данных лишь один из инструментов для усмирения и приведения в порядок буйного многообразия. Несмотря на вариативность получаемых результатов, сторонники баз данных указывают на то, что базы данных органов опеки — вершина достижений в отрасли за последние тридцать лет, которая осуществила переход социальной работы от нарративного образа мышления к «машинному» мышлению, благодаря которому социальная работа сегодня ведется не столько в области «социального», сколько в области «информационного» [Parton, 2008]. Более того, базы данных не только реструктурируют саму практику социальной работы, но и реорганизуют и регулируют рабочие потоки, осуществляя мониторинг работников и их деятельности [Garrett, 2009]. Они ведут наблюдение не только за сотрудниками, но и за обычными людьми [Anderson et al., 2009]. Последнее часто становится предметом критики и неприятия:

В связи с использованием государственных ИКТ в сфере, связанной с охраной детства, встают вопросы о ненадлежащем наблюдении, неоправданном расширении сетей, угрозе нарушения права на частную жизнь, безопасности и качестве данных, а также делаются необдуманные заключения об универсальных технологических системах, таких как CAF [ООС, Общая оценочная структура] и их способности удовлетворить комплекс потребностей семьи и ребенка [Pithouse et al., 2009, p. 601].

Великобританию все чаще обвиняют в том, что она превращается в Паноптикум, тем не менее можно с уверенностью сказать, что несмотря на огромный объем собранных данных, государствен-

ный аппарат не справляется с непомерным грузом несовместимых и несопоставимых баз данных. Действительно, многие программы по созданию баз данных были приостановлены или существенно изменены (например, ИТ-программа для NHS — Национальной системы здравоохранения)¹. Вместо всезнающего государства мы скорее имеем дело с большим количеством недоделанных проектов и программ, которые стремятся задействовать системы ИКТ, чтобы лучше понимать и управлять отдельными гражданами и группами населения. У этого есть технологические, экономические и политические причины, особенно в сферах конфиденциальности и защиты личных данных. Как бы то ни было, предпринимаются серьезные шаги для создания стандартизированных, совместимых и динамичных баз данных с целью осуществления политики, основанной на объективных данных, на предоставлении услуг, заточенных под индивидуальные требования, сокращении расходов и получении объективных статистических данных о населении для проведения анализа и исследований. В этой статье мы применяем иной подход к рассмотрению упомянутых программ по созданию баз данных. В критических статьях под объединением данных обычно понимается простая операция связывания информации о субъектах, собранной на различных государственных платформах, которая впоследствии может быть использована для государственной слежки, создания государства баз данных или накопления информационного капитала. Так же это можно назвать технико-управленческой аналитикой работы, которая проводится базами данных с целью определить отдельных людей и группы населения и управлять ими². Ошибки можно считать результатом технических недоработок, а операционную вариативность и сложность можно трактовать как ошибку системы или, наобо-

- 1 NPIIT стартовала в феврале 2002 с целью заменить все компьютерные системы NHS новой централизованной системой. С апреля 2005 управление осуществлялось агентством департамента здравоохранения, которое назвалось Connecting for Health (CfH). По их оценкам, «NPIIT переживает серьезные проблемы, так как системы внедряются с опозданием в несколько лет, либо не появляются вовсе», и, кроме того, «общественность обеспокоена вопросами безопасности, защиты частной жизни и функциональностью ряда систем» [Anderson et al., 2009, p. 12]. В августе 2011 года после крупной проверки, проведенной секретариатом кабинета министров, результат программы был признан «ужасающим», и проект был передан ИТ-команде центрального правительства с целью переместить «элементы ИТ NHS в «общую инфраструктуру ИТ», которая должна была охватить весь государственный сектор» [Cross, 2011].
- 2 Термины «техническая» и «менеджеристкая» аналитика взяты у Ло и Синглтона [2005].

рот, ее успешную адаптацию к местным условиям и уникальности местных практик. Вместо того, чтобы думать о сложности, вариативности и неопределенности результатов, выдаваемых объединенными базами данных, мы предлагаем считать это внутренними свойствами государственной логики и концепции субъекта, которые представляют объединенные базы данных. Для начала, мы принимаем онтологический, а не эпистемологический подход, вслед за Ло и Синглтоном [Law, Singleton, 2005]. Согласно эпистемологическому подходу, разный аналитический материал предлагает различные точки зрения на объект, который может подвергаться «гибкой интерпретации», в результате чего объекты становятся «интерпретативно сложными». Таким образом, сложность — скорее продукт аналитического многообразия и множественности интерпретаций, чем показатель качества рассматриваемого предмета. Онтологический подход, напротив, изначально понимает объект как нечто множественное и сложное, и «перемещает нас от множественности интерпретаций объектов в осмысление множественности самих объектов» [Law, Singleton, 2005, p. 334]. Проблема в том, что аналитика социальных наук (техническая и управленческая), как правило, не может объяснить возникающую сложность и многообразие. По этой причине Ло и Синглтон вводят понятие топологической аналитики, которая позволяет понять механизм возникновения комплексных реалий. С этой целью мы задействуем топологическую аналитику для интерпретации концепта субъекта и государственной логики, который реализуют базы данных. Мы утверждаем, что базы данных не столько технологически детерминированы, сколько привязаны к конкретной онтологии субъекта и государственной логики — в этой паре нет детерминанты, они связаны между собой динамическими отношениями [Aga, 2003]. Мы занимаемся исследованием этой концепции на примере политических стратегий, разработанных правительством новых лейбористов, которые указывают на изменение отношения к данным, а также на изменения отношения к количественной информации в социальной, коммерческой и государственной сферах. Это отношение — часть технократической инфраструктуры, направленной на изучение субъектов и групп населения, причем не столько в отношении к предустановленным категориям идентичности, сколько в отношении того, что люди делают, как общаются, какие совершают транзакции, операции и перемещения по отношению к государству¹.

1 См. [Savage, Burrows, 2007] и [Amoore, de Goede, 2008] для получения представления о дискуссии о том, как транзакции стали главными ре-

В первом разделе мы излагаем ряд предпосылок к топологической аналитике, которые мы затем применяем для анализа баз данных социальной политики. Мы утверждаем, что базы данных не просто суммируют данные о субъектах, но онтологически материально воплощают различные субъекты в перспективе их действий. Как правило, в социальной политике поведенческие аспекты считаются неотъемлемым элементом идентичности, мы же утверждаем, что объединенные базы данных материализуют «индивидуальность» субъектов в утрированной, распределенной и неустойчивой форме. Кроме того, такие операции также материализуют и усиливают неолиберальную логику контроля, в результате чего замкнутое пространство управления уступает место тому, что Делез [Deleuze, 1992] называет модуляцией контроля. Эта материализованная и усиленная индивидуализация и логика контроля, которую дает топологическая аналитика, есть предмет нашего исследования, которое мы осуществляем на примере программ в области социальной политики, предложенных в первом десятилетии XXI-го века новыми лейбористами.

Топологическая аналитика

171

Прежде всего, мы понимаем эти базы данных как «устройства», так как они представляют собой схемы, созданные для того, чтобы рассчитывать эффективность отдельных людей и групп населения, и влиять на них, и состоящие из набора или системы отношений. Они ориентированы на государственные цели, поэтому применяемая нами терминология ближе всего подходит к тому, что Фуко называл *диспозитивом*:

гетерогенный ансамбль, состоящий из дискурсов, институций, архитектурных форм, регламентирующих решений, законов, административных мер, научных утверждений, а также философских, моральных и филантропических положений — короче, из того, что высказано и не высказано. Таковы элементы аппарата. Сам же аппарат — это система отношений, которые возможно установить между этими элементами [Foucault, 1980a, p. 194].

С этой точки зрения, устройства хранения баз данных состоят не только из записей, но также из стратегического порядка и отношений между управляющими агентами и элементами. Акторно-сетевая теория помогает описать и объяснить такое понимания

гистраторами идентификации в сфере коммерческой и таможенной безопасности.

отношений, указывая на роль «неизменных переменных», которые обеспечивают некоторую относительную или функциональную «фиксацию» между сайтами и образуют более или менее стабильные сети [Law, Singleton, 2005]. Однако нередко происходит так, что устройства (их элементы и отношения) изменяются, и сеть «падает». Решение, которое часто применяется в этих случаях, состоит в исследовании того, как сеть старается поддержать стабильность своих устройств. В этом случае инвариантность становится лишь принципом, так как на практике устройства могут быть модифицируемы и множественны [Mol, Law, 1994]¹. Топологическая аналитика дает возможность мыслить об этих устройствах таким образом, что их нестабильность и изменчивость их элементов, отношений и пределов получает объяснение.

Социологи, как правило, не рассматривают топологическую теорию в целом, а берут несколько основных топологических характеристик из математики и применяют их для изучения социальных явлений. Одна такая характеристика — это неевклидова и нетопографическая концепция пространства, которой Целия Льюри дает следующее определение [Celia Lury, 2009]:

172

Топология в математике начинается не с пространства, а с задачи (уравнения), которой исследуется пространство, в котором она имеет решение. Поэтому если в классическом понимании геометрия — это восприятие и организация статичного гомогенного пространства, которое возможно уверенно спроецировать в будущее, то топология — это способ мышления о процессах актуализации в n-мерных пространствах в терминах вероятности, а не определенного будущего. Иными словами, пространство, задача и решение сопряжены в топологической математике. И в этом случае междисциплинарное топологическое мышление задействует не индукцию и дедукцию, а абдукцию. Абдукция же обращается не к метафорам и инструментам, а спекулятивному мышлению и обоснованным предположениям.

Таким образом, топологическое пространство (или объект или субъект) не статично и предсказуемо, а изменчиво, его границы могут меняться и трансформироваться непредсказуемым образом, позволяя делать вероятные, а не предиктивные заключения. Ло и Синглтон [Law, Singleton, 2005] дают иную формулировку: по их мнению,

1 Ло и Синглтон [2005] приводят несколько примеров эмпирического анализа, которые показывают, что такая стабильность часто не работает на практике, как, например, в исследовании де Лэ и Моль [de Laet, Mol's, 2002], где изменчивой переменной выступает использование водяного насоса в деревнях Зимбабве.

объекты не имеют точных границ, а образованы гетерогенными смесями вариативных элементов с нестабильными отношениями, которые могут быть прерывистыми, непредсказуемыми и создавать различные модели присутствия-отсутствия. Однако, как отмечает Ло [Law, 2002], некоторые свойства меняются, но другие при этом сохраняются и остаются неизменными. Сложность топологической аналитики связана с тем, чтобы идентифицировать возможности и свойства различных форм протяженной трансформации, то есть найти способ деформировать объекты и при этом сохранять их протяженность.

На основании вышесказанного, мы считаем, что топологическая аналитика включает в себя ряд взаимосвязанных предпосылок: сопряженность пространства, задачи и решения, что приводит к изменчивости границ и задействует логику абдукции или обоснованного предположения; и инвариантность наряду с изменчивыми и гетерогенными элементами и отношениями присутствующих и отсутствующих элементов. Данные свойства формируют аналитическую отправную точку для концептуализации онтологии субъекта и государственной логики устройств хранения данных. Сначала мы рассмотрим содержание государственных баз данных как состоящее из транзакционных метрических данных, после чего мы рассмотрим полученную топологическую аналитику в приложении к ряду социальных программ и устройств хранения данных.

173

Метрические данные населения: стабильные и трансформирующиеся

Государственные административные базы данных представляют собой особую совокупность инструментов измерения и данных о субъектах. Они состоят из прошлых и текущих показателей поведения, зафиксированных при помощи установленных средств сбора данных (например, информация о налогах, социальном страховании, школьном образовании). Базы данных отслеживают операции, совершаемые людьми, касающиеся сектора государственных услуг: регистрация жизненных событий, данные о полученных доходах и выплаченных налогах, информация о школах, которые посещали, о купленных машинах, о пересеченных границах, о полученных визах, о льготах, о посещении клиник и т.д.¹ Они

1 Государственные записи могут содержать записи об истории банкротств человека, неуплате налогов, гражданских приговорах, криминальную историю, информацию о гражданских тяжбах, просроченных расписках,

также содержат сведения о «встречах» с государством и фиксируют изменения в частной жизни людей. Данные накапливаются как побочный продукт ежедневных административных операций с государственным сектором и считаются «лучшей» информацией, так как отражают «реальные» поступки и потребности человека, которые изменяются во времени и пространстве и требуют постоянного мониторинга и оценки¹.

Несомненно, совершаемые операции уже давно лежат в основе государственных административных систем и являются главной опорой государственного делопроизводства, мониторинга и оценки. В социальном секторе поведение и поступки людей — уже давно главные индикаторы и регистраторы личности. Новое здесь — это оцифровка данных, возможность отслеживать эти операции в реальном времени, возможность в перспективе объединить эти данные, распределенные по различным государственным сайтам и сервисам. Иными словами, оцифрованные данные меняют государственные практики получения информации.

174

Административные базы данных и идентификация корреляций в транзакциях по государственным сайтам создают особые виды операций и показателей, которые мы называем метрическими данными населения — мерами, которые идентифицируют и оценивают эффективность отдельных людей и групп населения [Ruppert, 2010]. Метрические данные населения функционируют так же, как функционируют метрические данные в коммерции, государственной и образовательной сфере — для оценки и сравнения производительности и прогресса людей, групп населения и других объектов. Например, в образовательной сфере по рейтингам оцениваются школы, по библиометрическим данным оценивается академическая успеваемость в университетах, а в сфере здравоохранения качество обслуживания оценивается по времени ожидания приема у врача. Та же логика применяется и в государственных органах для идентификации людей и групп населения и оценки их производительности.

Но прежде чем данные будут объединены, реструктурированы и отредактированы, система «управления идентификацией» должна установить личность, подтвердить право на получение государственных услуг и льгот, проследить операции и действия, объединить базы данных по всем сайтам и сервисам. Помимо

профессиональных лицензиях, недвижимости и землевладении, свидетельствах о браке, рождении и разводе, лицензиях на коммерческую деятельность.

1 См., например, аргументы секретариата кабинета министров [2005] и департамента здравоохранения [2008].

присвоения уникального идентификационного номера или кода, система управления идентификацией регистрирует то, что считается относительно стабильными биографическими идентификаторами и адресами документов, как имя, место и дата рождения, пол, адрес и биометрические данные. Управление идентификации, таким образом, занимается стабилизацией постоянно обновляемого набора биографических и/или биометрических классификаций или «единственного источника правды» о человеке [Varney, 2006, p. 38].

Для британского правительства управление идентификацией осуществляется за счет использования уникальных идентификационных номеров и кодов. В обращении находится большое число идентификаторов: номер социального страхования, лицевой счет учащегося, медицинская страховка, водительские права¹. При такой обработке информации отдельных людей и группы населения можно распознавать по множеству совершаемых ими транзакций и действий.

Идентификация: множественности и сингулярности

175

В управлении идентификацией индивид понимается как совокупность его неизменных и стабилизированных индивидуальных признаков. Когда управление идентификацией находится в действии, тогда возможно отследить и собрать информацию об отдельных людях и группах населения за счет объединения множества транзакций, которые становятся динамичными и релевантными метриками и могут быть измерены и проанализированы. Такое понимание индивида было подробно изложено в стратегии «Переходного управления» лейбористского правительства, целью которой было использование новых технологий для преобразования «бизнеса управления» за счет объединения и распространения данных и сервисов, а не за счет их простого копирования. Множественные источники информации считаются необходимыми для создания полной картины потребностей и поведенческих аспектов пользователя, которые отличаются множественностью и сложностью [Varney, 2006]. Люди распределяются

1 Правительство новых лейбористов начало консолидировать их в единый государственный идентификатор с помощью программ Identity Card и National Register. Однако коалиционное правительство консерваторов и либеральных демократов закрыло программу и стало изучать альтернативы, например, объединение идентификаторов, используемых такими организациями, как Identity and Passport Service (IPS), Department for Work and Pensions (DWP) и the Driver and Vehicle Licensing Agency (DVLA).

не по привычным групповым категориям (пожилые, учащиеся), а скорее — с точки зрения государственного управления — как группы с разнообразными меняющимися потребностями, которые требуют «ответного сервисного реагирования» [Cabinet Office, 2006b, p. 8].

Именно эта концепция легла в основу многих специальных программ Великобритании в социальной сфере¹. Программа по борьбе с социальной изоляцией основывалась на понимании того, что относительное неблагополучие было обусловлено множественными взаимосвязанными проблемами, касающимися здоровья и социального положения, и факторами риска, которые иной раз взаимоусиливаются, усугубляя ситуацию в целом [Cabinet Office, 2006a]. В качестве главного решения предлагалось объединить базы данных для обнаружения лиц, которым грозит социальная изоляция, тех, кто живет за чертой бедности или «при неустроенности жизни имеют множество потребностей» [Ibid., p. 76]. Устройства хранения баз данных, материализующие концепцию объединенного субъекта, были существенно усовершенствованы и внедрены в двух основных областях: охрана детства и ювенальная юстиция. В дальнейшем в этой статье мы сосредоточим внимание на двух этих примерах².

176

Детская интегрированная система (Integrated Children's System, ICS) — это система электронной регистрации информации о социальном обслуживании детей и управления информацией о нуждающихся детях. Она создана для сбора и регистрации большого объема детальной информации от различных специалистов (социальных работников, классных руководителей, членов совета, полицейских, работников здравоохранения и т. д.) и выявления детей из группы риска, которые могут быть подвергнуты насилию или оказаться в категории нуждающихся [Department for Children, Schools and Families, 2007]. Данные представлены записями о совершенных операциях и взаимодействиях между специалистами и детьми и их родителями, в том числе контактная информация, заключения, планирование и обзор оказанных услуг. Логика заключается в том, что за счет объединения данных возможно идентифицировать детей с точки зрения комплекса их потребностей, что было бы недоступно отдельно взятому специалисту, так как отношения и взаимодействия субъекта разнесены по разным сер-

1 Для сравнения с объединенными базами данных, используемых в пограничной службе, см. [Atsooge, 2006].

2 Версии этих устройств данных продолжают работать и при коалиционном правительстве консерваторов и либерал-демократов.

висам. Только за счет соединения и интеграции данных возможно выявить нуждающегося ребенка или ребенка, находящегося в группе риска. Категоризация комбинации уникальных транзакций с государственными ведомствами для каждого ребенка (например, неудовлетворительные оценки, непосещение школы, аресты) дает метрические данные или показатель потребностей относительно шкалы от отсутствия дополнительных потребностей и дополнительных потребностей к комплексным потребностям. Информационная система управления делами ювенальной юстиции (the Youth Justice Board Management Information System, MIS) использует сходную концепцию для работы с несовершеннолетними. В каждом муниципалитете в Англии и Уэльсе действует команда по работе с несовершеннолетними преступниками (Youth Offending Team, YOT), в которую входят представители полиции, службы пробации, социальной, здравоохранительной и образовательной служб¹. Команды YOT вносят в систему межведомственные индивидуальные данные, которые затем используются для оценки детей и подростков (10-17 лет, в дальнейшем именуются «несовершеннолетними») и возможности совершения ими повторного преступления. MIS собирает биографические и операционные данные (оценки, вмешательства, судебные решения и приговоры) о несовершеннолетних правонарушителях по всем распределенным государственным сайтам: школы/колледжи, полиция, терапевты, медицинское обслуживание, социальные службы, жилищные службы, волонтерские организации, суды и т. д. Данные включают информацию по конкретному случаю, собранную множеством специалистов (полиция, службы предоставления жилья, социальные работники): данные о правонарушениях, судебные данные (обвинения, приговоры), вмешательства (оценки, планы, даты контактов, результаты), оценки активов на различных стадиях контакта (12 динамичных факторов, которые оцениваются в баллах: жилищные условия, образование, образ жизни, употребление веществ, эмоциональное здоро-

177

1 Самая распространенная версия MIS — это электронная информационная система по делам несовершеннолетних преступников (eYOIS), разработанная софтовой компанией SACS и применяемая практически 75% команд по делам несовершеннолетних преступников (YOT). Система eYOIS обеспечивает обмен данными между независимыми системами, в электронном формате и «в реальном времени». Она собирает данные о множестве событий, отношений и транзакций, совершаемых несовершеннолетними, по распределенным ведомствам юстиции и сообеспечения для управления вмешательствами и оценки рисков повторного совершения преступления.

вье), индикаторы уязвимости и риска (на основании опросника), вмешательства восстановительного правосудия, родительское вмешательство (встречи) и вмешательства, связанные с психическим здоровьем и злоупотреблением наркотических веществ (обращения за помощью, оценки, лечение)¹. Все вместе эти данные образуют набор метрик, которые измеряют поведение несовершеннолетнего в перспективе множества государственных служб. Две программы и их связанные устройства хранения данных основаны на следующей логике: субъекты состоят из уникальных комбинаций распределенных транзакционных метрик, которые показывают, кем они являются, а также их возможности, проблемы и потребности. Индивид не просто ребенок или подросток, а скорее сочетание потребностей и услуг. Группа населения, к которой они принадлежат, таким образом, основана не столько на ассоциациях с другими субъектами, сколько на основании моделей совершаемых ими транзакций. Так, например, люди, проживающие в неблагоприятных условиях, отслеживаются по набору транзакций, направленных на получение льгот, пособий по безработице, на получение бесплатного медицинского обслуживания, психиатрической помощи, помощи алко- и наркозависимым и бездомным, а также по данным, зарегистрированным в полиции, тюрьмах и судах. Дети и подростки находятся по набору многочисленных варьирующих и меняющихся транзакций. Иными словами, с помощью этих технологий возможно обнаружить и создать новых субъектов: несовершеннолетних, которые потенциально могут совершить преступление или повторное преступление, или ребенка с комплексными потребностями. И хотя подобных субъектов возможно было выделять и раньше, с появлением устройств хранения данных появились изменения в критериях, слежении и отчетности, которые позволяют отнести новый субъект к той или иной группе населения. Более того, базы данных усиливают индивидуализацию, так как собирают большой объем разнообразных метрик для идентификации субъекта, и в то же время управление идентификацией обеспечивает протяженность субъекта в рамках его трансформирующийся и изменчивой конституции.

Это позволяет производить особую материализацию субъектов и групп, избегая абстракций и «развоплощений». Транзакцион-

1 См. [Youth Justice Board, 2010]. В 2009/10 существовало 157 команд YOT: 139 в Англии и 18 в Уэльсе (Youth Justice Board, 2010). 14 октября 2010 года коалиционное правительство объявило об упразднении Совета ювенальной юстиции (Youth Justice Board) и передаче его функций министерству юстиции. Система практик и использования MIS была сохранена.

ные метрики субъектов и их производительность по отношению к специалистам образуют скорее «поверхностное», чем детерминистское и каузальное представление [Savage, 2009]. Однако модели и ассоциации производительности субъекта определяются именно за счет сбора данных, распределенных по дистанцированным государственным сайтам. Государственные сайты и содержащиеся на них данные «складываются», сближаются и подаются на устройство хранения баз данных. Кроме того, неизменные переменные не подаются на другие сайты для стабилизации форм и отношений и осуществления дистанционного контроля (как предполагает акторно-сетевая теория): вместо этого само собирающее устройство сводит вместе различные распределенные элементы, задействуя гетерогенные процессы и практики. Таким образом, границы государственных баз данных становятся проницаемы, а собранные данные — по критериям «включено/исключено», «присутствует/отсутствует», «внутреннее/внешнее» — на устройстве хранения баз данных могут варьироваться и изменяться. То, из чего «состоит» субъект или группа населения, или то, что называется границами социального, таким образом, приобретает изменчивый характер, так как варьирующиеся метрики можно объединить, выстроить и коррелировать по сайтам и базам данных. При таком порядке собираются не все данные подряд, а лишь некоторые, за счет чего создаются нестабильные модели присутствия и отсутствия. В то же время биографические метрики управления идентификацией обеспечивают «ядро стабильности» [Law, Singleton, 2005], которое позволяет свести управляющие сайты вместе. В этом случае переменными становятся транзакционные метрики и отношения между производительностями, из которых состоит субъект, а в сфере социальной политики они и есть главный объект интереса¹.

179

В этом отношении устройства хранения баз данных представляют собой материализацию того, что Латур [Latour, 1998] назвал отслеживаемым социальным, которое становится видимым не за счет извлечения его из чего-то, а за счет выведения его в область наблюдаемого. ИКТ часто изображаются как коммуникационная информация, лишенная груза социальных отношений

1 Например, Бейтман [Bateman, 2011] описывает, как Asset устройство хранения данных по делам ювенальной юстиции, собирает различные метрики о подростках для создания групп риска — для тех, кто может совершить первое повторное преступление. Незначительные изменения в метриках могут существенно менять количество подростков, попадающих в ту или иную категорию, в результате чего в оценках может наблюдаться значительный разброс.

и локаций [Strathern, 2000]. Информационно-коммуникационные технологии не столько абстрагируются и выделяются из социального, чтобы затем вернуться в него, сколько материализуются в самих данных. Данные — это не что-то, занимающее «пространство потоков» или виртуальный информатизированный мир, эта сама материальность, которая может быть собрана множеством способов путем складывания гетерогенных данных с распределенных сайтов.

Такая согласованность указывает не на всеобъемлющий характер общества, а на множественность связей и порядков, образованных конгломератами людей. В отношении групп населения подобная материализация — известное явление. Государство и социологи уже давно проводят материализации: от проведения переписи населения и составления карт до регистрации с помощью различных устройств. Таким образом, дело не в том, что материализации приобретают более абстрактный характер, а в том, что социальные порядки материализуются новыми способами и в более согласованном качестве, что позволяет создавать и идентифицировать новые связи, а также дает возможность наблюдать, как создаются и пересоздаются группы населения, как они образуются и распадаются.

180

Схожим образом материализуются и индивидуальные субъекты в «усиленной» форме, подобные монадам, сущностям, образованным «широким спектром элементов» [Latour, 2010, p. 10], которая может быть обнаружена только с помощью объединенных баз данных и их визуализации¹. Индивид и группа — обе сущности находятся за пределами человеческого восприятия, поэтому для их визуализации в качестве посредника выступают базы данных. Что это за элементы? Это взаимодействия и транзакции ребенка с государственными ведомствами и его/ее идентификации как нуждающегося ребенка. То есть, каждый ребенок — это интернализация целого набора отношений, взаимодействий и оценок, или того, что мы в этой работе называем метриками. Ребенок не занимает одну позицию субъекта или множество позиций субъекта, он сам есть множественность по отношению к государству. А группа населения — это совокупность индивидов, которые, в свою очередь, есть совокупности множества элементов. То, что получается в результате объединения данных, является продуктом не единственного отношения и производительности, а множества отношений и производительностей, что делает процесс идентифи-

1 Такое понимание монад основано на формулировке Лейбница, как его использовал Бруно Латур [2005, 2010] и Чанглин Ква [Chunglin Kwa, 2002].

кации субъекта и группы более рискованным, неопределенным и непредсказуемым.

Концепция индивида как монады была предложена в программе «Трансформационного правительства» [Cabinet Office, 2006b]. Она способствовала распространению понимания о том, что люди редко аккуратно подпадают под определенные категории и могут ассоциироваться с различными группами в разное время, в зависимости от конкретных потребностей, и поэтому вмешательства должны отвечать их уникальным потребностям [Cabinet Office, 2005]. Каждый человек рассматривается как сингулярность; не как член группы или некто, обладающий общими характеристиками группы, но как сущность, сложенная из уникальной композиции производительностей, которую необходимо направлять и формировать. Устройства хранения баз данных материализуют и усиливают композицию и вместе с тем позволяют ей мутировать и изменяться.

Управление: сингулярности

Таким образом, модели в транзакционных метриках есть показатели относительного поведения детей и несовершеннолетних преступников, которые не попадают в категории нормального или ненормального. Категории — это дисциплинарные методики, впервые описанные Фуко, которые, как правило, функционируют через классификационные схемы и статистику, категоризирующие и организующие индивидов в группы — бедные, преступники — и совершают управление через то, что Делез [1992] назвал пространствами отгораживания, такими как школа или тюрьма. Однако в своих поздних лекциях в «Коллеж де Франс» Фуко [2003, 2007] утверждал, что дисциплинирующие технологии, концентрирующие и огораживающие, дают место позитивной силе и технологиям, которые расширяют пространство, где часто происходит «интеграция новых элементов: производство, психология, поведение», «обеспечивая развитие все более широких цепей», которые «позволяют вещам случаться» [Foucault, 2007, p. 45]¹. В процессе инклюзии задействуется изобретательная сила, которая обеспечивает трансформацию и инновацию посредством взаимодействия сосуществующих государственных вмешательств (образование, соцзащита, полиция и т. д.), материализуемых устройствами

181

1 См. Амор и де Геде, подхватывающие это различие по отношению к практике в сфере безопасности, которая «выгружает, визуализирует и открывает» [2008, p. 174].

хранения данных и «чей эффект будет мощнее совокупности его компонентов» [Deleuze, 1992, p. 3]. Иными словами, базы данных обеспечивают не простую операцию сложения, а выступают генераторами новых субъектов и групп.

Важно то, что дифференциальная нормализация достигается за счет «высокоточной» индивидуализации и того, что Фуко назвал «тонкими и постоянно наблюдаемыми различиями» [2003, p. 46]. Устройства хранения баз данных материализуют онтологию субъекта, так как монада состоит из комплексных, уникальных, динамичных и всегда варьирующих метрик. Так как детей еще можно обобщить и распределить по моделям на основании сходства, то объемная детальная информация о них хранится в привязке к модели. Таким образом, мы сталкиваемся скорее с процессом усложнения и увеличения, а не просто с обобщением индивида и отнесением его к определенной категории. Дети скорее распределяются не по категориям, а помещаются относительно протяженности потребностей, где различные услуги и интервенции, можно сказать, «сосуществуют в одной и той же модуляции» [Deleuze, 1992, p. 5]. Амор и де Геде [Amoore and de Goede, 2008] выдвигают сходный аргумент в отношении практик в сфере безопасности, где транзакционные данные применяются для классификации людей не по категориям, а по степеням дифференциального риска. В то же время такие устройства стремятся «держат» индивида по отношению к группе в целом, сохраняя его специфические черты и вариации в согласованной и видимой форме. Группа — это совокупность этих специфических черт и вариаций, в которой каждый ребенок занимает единственную точку в модели потребностей для 370 тысяч детей в Англии и Уэльсе (статистика приводится в работе [Shaw et al., 2009]).

Таким образом, эти устройства работают виталистически — они объединяют индивидов для оценки относительного здоровья группы (число детей с различными уровнями потребностей или число несовершеннолетних в группе риска первичного или повторного совершения преступления). Разумеется, это общая задача управления, которая заключается в том, чтобы знать природу и управлять силами в целом, то есть группой населения, референтным объектом биополитики [Foucault, 1997]. Это требует специфических суммирующих процедур или методик, которые могут создать лицо из набора различных индивидуальных черт — всевозможные рейтинги, профили, модели и вероятности, необходимые для управления, регулирования и максимизации потенциала меняющейся группы населения [Dillon and Lubo-Guettero, 2008]. Упомянутые выше программы социальной политики и соответствующие устройства хранения данных нацелены именно на это и на максимизацию

групп населения: чтобы идентифицировать и оказать помощь группе населения, выключенной из общественной жизни или рискующей оказаться в таком положении; и защитить детей, распределив их по категориям в соответствии с потребностями и оказав содействие в их развитии. Такие идентификации ложатся в основу управления, направленного на предотвращение увеличения числа определенных групп людей (социально изолированные, дети, подвергающиеся насилию, несовершеннолетние матери, несовершеннолетние преступники)¹. Как только устанавливается вероятность того, что данный субъект относится к группе риска — как потенциальная жертва насилия или преступник — тогда может быть определена и индивидуальная интервенция. И в этом случае уязвимость определяется не посредством логических операций индукции или дедукции, а в процессе абдукции: через модели в вероятностях объединенных данных, рациональные умозаключения и превентивные принципы осуществляется идентификация возможных типов людей.

Таким образом, происходит интеграция биосилы и управления: первая отслеживает, регулирует и управляет группами населения, а второе — направляет и формирует индивидуальные объекты [Foucault, 1980b]. Когда идентификация основывается на персональных метрических данных, вмешательства представляют собой индивидуализированные, заточенные под конкретного индивида, а не общие стратегии. Индивид может подвергаться генерализации для включения в определенную группу населения (обобщение), но при этом сохраняется его/ее уникальная идентификация или «высокоточная» индивидуальность, что позволяет ему/ей стать получателем уникального государственного вмешательства (индивидуализация).

В этом состоит логика «модернизации государственных услуг», которая сопряжена с определением персонализированного пакета государственных услуг [Office for National Statistics, 2005]. Люди воспринимаются как пассивные получатели пакетов услуг, созданных на основании распределенных данных о них и направленных на удовлетворение их потребностей, но при этом не видимых для них². Проблемы и потребности людей определяются посредством многочисленных транзакций и их результатов по отношению к государственным услугам. Метрики основаны не на казуальной модели, а на поведенческих моделях, закономер-

1 См. [Hacking, 2007] о создании «типов людей».

2 Так написано в отчете Сэра Дэвида Варнея о трансформации сервиса [Varney, 2006].

ностях, поверхности интерфейсов и связей между измерениями того, что делают люди.

Далее, направленные государственные вмешательства воспроизводят варьирующие и нестабильные отношения. Метрика — это «вид номинализма» [Hacking, 2007, p. 294], при котором быть определенным в класс и названным «ребенком с комплексными потребностями» — лишь часть динамического. В дополнение к специалистам и технологиям идентификации и их диагностических практик в дело вступают бюрократизирующие практики для направления, формирования, а иногда и «коррекции» людей. В многочисленных работах Яна Хакинга утверждается, что оба процесса участвуют в «формировании людей»: новая метрика может породить новую концепцию или опыт того, каким может быть человек. Кроме того, имеет место «эффект петли» — процесс, при котором метрика может взаимодействовать с людьми через вмешательства государства, которые закрепляют «идентичность» обнаруженного таким образом человека [Hacking, 2007]¹. В результате двух этих процессов люди становятся движущимися мишенями: метрики взаимодействуют с людьми и меняют их, а, изменившись, они перестают быть теми людьми, какими были прежде. Таким образом, при изменении метрик люди тоже меняются и начинают модулировать, в результате чего группы населения находятся в постоянном процессе дифференциации. Вместе с тем процесс эволюции также переживают устройства хранения баз данных вместе с показателями производительности, а не отдельно от них, и таким образом происходит совместное конституирование технологий и людей. Отсюда можно заключить, что группы населения — это не фиксированная форма и модель социальных структур и дифференциаций, а модулирующие дифференциации, что ставит под вопрос привычное понимание группы населения как совокупности людей с различными чертами характера и поведения, которых можно идентифицировать, распределить по категориям и которыми можно управлять. Более того, сделанные заключения приводят к мысли о том, что вмешательства управления также должны модулировать и меняться по отношению к «подвижным» людям. Вмешательства должны не только персонализироваться и индивидуализироваться, но и меняться по отношению к изменениям, которые отчасти были созданы ими самими.

184

1 На примерах аутизма, ожирения, детского насилия и диссоциативного расстройства личности видно, что ряд практик создает «двигатель открытия» в «создании» людей. Сюда относятся практики подсчета, количественной оценки, определения норм и создания корреляций.

Государственные топологии

Вышеизложенная концепция не упрощает, а создает то, что Делез назвал «усложняющей машиной» [Rajchman, 2000]. Однако усложнение происходит не по причине доступности большого объема цифровых данных, вычислительной мощи компьютерных технологий и массы социотехнических отношений, которые их создают. Усложнение скорее связано с тем, что устройства хранения баз данных материализуют и усиливают концепцию субъектов и групп населения, которые всегда возникают из набора модулирующих транзакционных метрик и отношений, где изменение заложено в самом поведении. Именно транзакционные метрики проводят дифференциацию и указывают на то, кем являются субъекты: производительность и действия людей и групп населения позволяют идентифицировать и зарегистрировать их. Обычные категории социологии и социальной политики, такие как «идентификация группы» или «прошлая история» (например, этническая, религиозная, классовая или половая принадлежность), а также каузальные и глубинные модели уступают место «поверхностным» явлениям, таким как описание моделей, связей и закономерностей в поведении [Savage, 2009]. Первые относительно фиксированы (дата и место рождения), или же меняются медленно и предсказуемо (возраст), или же могут быть установлены по результатам субъективной идентификации (этническая принадлежность) и составляют относительно стабильные элементы управления идентичности. Однако транзакции меняются, а вместе с ними в ходе отслеживания, измерения и оценки модулируют и метрики. Транзакции индивидов динамично создают группы, и большее значение в этом случае имеют не детальное описание транзакций, а отношения между ними. Объектом интереса, таким образом, становятся не субстантивные элементы культуры, а их связи и трансформации, не какие-то базовые характеристики, а отношения [Lash, Lury, 2007]. И если регистрация идентичности требует использования таких методик, как перепись населения, то объединенные административные базы помещают различия по отношению к многочисленным регистраторам поведения, которые определяют и то, кем люди являются, и то, кем они, возможно, становятся. В этом случае, групповые метрики сродни тому, что Роджерс [Rogers, 2009] назвал «постдемографией».

Во введении мы указали на ряд характеристик топологической аналитики для понимания описанных выше устройств хранения данных, а также субъектов и логики, которые она представляет. Мы говорили, что с этими аналитическими данными они образуют социальную среду путем объединения и складывания дисперсных

данных для формирования гетерогенных изменчивых комбинаций варьирующих метрик и отношений. В то же время они представляют индивидов как набор стабильных качеств или идентификаторов, что позволяет проследить и понять субъекты в процессе изменения и становления. Транзакции — это трансформации и извещения о том, кем являются люди, и объединение транзакций создает метрики, которые оценивают и измеряют производительность отдельных людей и групп. Однако метрики и государственные вмешательства также динамичны и подвержены пересмотру, переформулировке и деформации вследствие «эффекта петли» между означающим и означаемым.

186 Речь идет не столько о «новом», сколько об онтологии субъекта и государственной логике, которые, вероятно, только сейчас могут быть материализованы и усилены посредством и с помощью устройства хранения баз данных. Согласно Латуру [2010], Габриэль Тард в XIX веке продвигал онтологию индивидов и социального. И если Дюркгейм предлагал понимать индивидуальное в отношении к обществу в целом и структурированию социальных законов, то Тард предлагал теорию индивидуальных монад, которые образуют совокупности и множественные социальные порядки. Латур утверждает, что отчасти недостаток информации и неспособность понять идею множественности и сложности индивида и их совокупностей, привели к доминированию понимания Дюркгейма, а не концепции социального Тарда. Сегодня, в эпоху распространения цифровых данных и устройств, считает Латур, концепцию Тарда можно реализовать. В наши задачи не входит противопоставление Дюркгейма Тарду или актуализация имени Тарда в социологической науке, мы лишь хотим показать, насколько полезно это представление для понимания отношения устройств и логики управления. Устройства хранения баз данных позволяют материализовать концепцию группы людей как пространства отношений, состоящего из множества совокупностей индивидов с фиксированными метриками (биографиями) в сочетании с комплексными и постоянно меняющимися метриками (транзакции, поведение). Эта концепция не столько детерминруется, сколько материализуется и интенсифицируется информационными технологиями. В то же время это материализация и интенсификация того, что Фуко называл «мелкой крупницей индивидуальности» и сингулярностью случая [2003: xxii] и государственной логики, которую Делез [1992] представлял как модулирующий контроль.

Мы говорили, что, задействуя топологическую аналитику, устройства хранения баз данных представляют и продвигают особое понимание субъектов и логики управления. Разумеется,

возможно задействие и других аналитических данных. Например, в случае с ювенальной юстицией, структуралистская аналитика устройств хранения баз данных выдвигает аргумент о том, что оценка рисков искажает и усугубляет существующий уровень социального неравенства; вероятностная аналитика идентифицирует проблемы индивидуальных вмешательств на основании инференций и вероятностей, охватывающих население в целом; менеджеристская аналитика устанавливает недостатки и сбои критериев риска и норм; политическая аналитика идентифицирует последствия, связанные с дискриминацией и нарушением прав человека, в результате оценки рисков на основании того, что может совершить несовершеннолетний¹. Мы также упомянули некоторые социальные теории и аналитику, например, диспозитив Фуко и акторно-сетевую теорию Латура. Но вместо того, чтобы предложить топологическую аналитику в качестве альтернативного подхода, мы заняли онтологическую позицию, чтобы показать, как различные реалии представляются различными аналитиками. При таком подходе явления всегда понимаются как нечто множественное и комплексное и, не отвергая другие возможности, такой подход представляет их как вопросы «онтологической политики» [MoI, 1999]. Любая аналитика упорядочивает и представляет мир таким образом, что некоторые элементы и отношения проступают, а другие при этом отсутствуют [Law, Singleton, 2005].

Какие элементы и отношения присутствуют при топологической аналитике? Главная образом, топологическая аналитика делает акцент на варьирующих, нестабильных и модулирующих отношениях, неопределенности, проницаемости границ и абдукции как имманентных, а не исключительных качествах устройств хранения баз данных. Неолиберальные стратегии оказались подвергнуты массивной критике, но при этом недостаточно внимания было уделено тому, как базы данных и новая

1 Эта критика была направлена против практики определения групп риска ювенальной юстицией и приведения их в соответствие с уникальными обстоятельствами индивида. Практика, названная «масштабированным подходом», была описана Бейтманом [Bateman, 2011]. Оценка риска основана в этом случае не столько на том, что вы совершили, сколько на том, что вы могли бы совершить. Оценка риска производится с помощью устройства хранения данных Asset, которое собирает различные метрики (иначе говоря, «рейтинги») о подростке, например, жилищные условия, семья и личные отношения, образование, подготовка и занятость, злоупотребление наркотическими веществами. При суммировании этих метрик и определении соответствующего приговора учитывается общий бал риска, а не серьезность совершенного преступления.

аналитика продвигают онтологию субъекта и групп как набора нестабильных, трансформирующих и порождающих транзакционных отношений, а также сходств и идентификаторов того, что они есть сейчас и «потенциального будущего человека, которому еще предстоит появиться» [Atsooge, 2009, p. 18]¹. Между тем, аналитика социальных наук по-прежнему сфокусирована на категориях идентичности и поиске лучших методов узнавания и управления субъектом. Однако не только государственные, но и коммерческие, социальные и политические практики задействуют представление множества форм ассоциаций и идентификаций, которые более вариативны и нестабильны и больше модулируют, чем «старые» формы идентичности. Этот аспект охватывает топологическая аналитика. Государственные устройства хранения баз данных усиливают эти качества посредством того, что Фуко назвал «разделением тонких и постоянно наблюдаемых различий» [2003, p. 46]. Такие дифференциальные практики материализуются и усиливаются устройствами хранения баз данных, которые и созданы неопределенностью и нестабильностью, и порождают их, как в том, как познается субъект, так и в том, как им управлять.

188

В заключение хочется отметить, что если менеджеристская аналитика указывает на то, что практики управления носят детерминистский характер и направлены на стабилизацию форм и отношений, то топологическая аналитика начинается с допущения о том, что «мир не упорядочен», что «мы не можем узнать его, настаивая на том, что он понятен» [Law, Singleton, 2005, p. 350]. Или же, как отмечали Мол и коллеги в отношении практик социального обеспечения, «мы не заносим в скобки *неудачи* и *слабости*, мы смотрим им в лицо» и учимся жить «с хаотичным» [2010, p. 10, выделено в оригинале]. Беря за основу указанные положения, мы не утверждаем, что топология дает лучшую аналитику (в действительности мы подчеркивали, что аналитика дает не точку зрения на объекты и субъекты, а представляет их). Более того, топология выявляет такие качества, как уязвимость и неопределенность, тем самым задавая новую ветвь дискуссии и ставя ряд вопросов, касающихся последствий управления с устройствами хранения баз данных. Вот некоторые из них. Если комплексность, неопределенность и нестабильность понимать как внутренние качества, а не указание на системную ошибку, что это значит для специалистов, которые должны принимать реше-

1 Например, с аргументами о неолиберальной логике государственных баз данных вы можете ознакомиться в работе Беллами [Bellamy et al., 2005] и Хенмана [Henman, 2010].

ния? Требуют ли эти качества больше или меньше обдумывания и вмешательства? Если идентичность людей изменчива, усиливает или уменьшает это возможность субъектов участвовать в собственной идентификации? Становятся ли они более пассивными или же неопределенность дает им возможность бросить вызов и помешать идентификации?¹ Иными словами, топологическая аналитика обращает наше внимание на вопрос о том, как специалисты и субъекты работают со сложностью и нестабильностью, а не приручают ее, а также на то, что указанные элементы выступают не исключениями, а данностями, являясь неотъемлемой частью государственной логики и онтологии субъектов.

Библиография / References

Agar J. (2003) *The Government Machine: A Revolutionary History of the Computer*. Cambridge, MA: MIT Press.

Amoore L. (2006) Biometric Borders: Governing Mobilities in the War on Terror. *Political Geography* 25: 336–51.

Amoore L. (2009) Lines of Sight: On the Visualization of Unknown Futures. *Citizenship Studies* 13(1): 17–30.

Amoore L., De Goede M. (2008) Transactions after 9/11: The Banal Face of the Preemptive Strike. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 33(2): 173–85.

Anderson R., Brown I., Dowty T., Inglesant P., Heath W., Sasse A. (2009) *Database State*. York: Joseph Rowntree Reform Trust Ltd.

Bateman T. (2011) Punishing Poverty: The “Scaled Approach” and Youth Justice Practice. *Howard Journal*, 50(2): 171–83.

Bellamy C., Perri, Raab C. (2005) Joined-up Government and Privacy in the United Kingdom: Managing Tensions between Data Protection and Social Policy. Part II. *Public Administration*, 83(2): 393–415.

Cabinet Office (2005) *Transformational Government: Enabled by Technology*. London: The Stationery Office.

Cabinet Office (2006a) *Reaching Out: An Action Plan for Social Exclusion*. London: The Stationery Office.

Cabinet Office (2006b) *Transformational Government: Implementation Plan*. London: The Stationery Office.

1 Например, смотри рассуждение в работе Рупперт [Ruppert, 2011] о том, как устройства хранения баз данных делают субъектов интерпассивными.

- Cross M. (2011) Why the NHS Is Losing Control of its IT Destiny. *The Guardian*, 9 August.
- De Laet M., Mol A. (2000) The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Social Studies of Science*, 30: 225–63.
- Deleuze G. (1992) Postscript on the Societies of Control. *October* 59 (winter): 3–7.
- Department for Children, Schools and Families (2007) *ICS, CAF and ContactPoint — an Overview*. London: The Stationery Office.
- Department of Health (2008) *Developing the NHS Performance Regime*. London: The Stationery Office.
- Dillon M., Lubo-Guerrero L. (2008) Biopolitics of Security in the 21st Century: An Introduction. *Review of International Studies*, 34: 265–92.
- Foucault M. (1980a) The Confession of the Flesh (1977) Interview. C. Gordon (ed.) *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings*. New York: Pantheon.
- Foucault M. (1980b) *The History of Sexuality, vol. 1: An Introduction*, trans. R. Hurley. New York: Vintage Books.
- Foucault M. (1997) The Birth of Biopolitics. P. Rabinow (eds) *Ethics: Subjectivity and Truth*. London: Penguin.
- Foucault M. (2003) *Abnormal: Lectures at the Collège de France, 1974–75*, trans. G. Burchell. New York: Picador.
- Foucault M. (2007) *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–78*, trans. G. Burchell. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Garrett P.M. (2009) *“Transforming” Children’s Services: Social Work, Neoliberalism and the “Modern” World*. Maidenhead: McGraw Hill and Open University Press.
- Hacking I. (2007) Kinds of People: Moving Targets. *Proceedings of the British Academy*, 151: 285–318.
- Hays C.L. (2004) What Wal-Mart Knows about Customers’ Habits. *New York Times*, 14 November.
- Henman P. (2010) *Governing Electronically: E-government and the Reconfiguration of Public Administration, Policy and Power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Kwa C. (2002) Romantic and Baroque Conceptions of Complex Wholes in the Sciences. J. Law and A. Mol (eds) *Complexities: Social Studies of Knowledge Practices*. Durham, NC: Duke University Press.
- Lash S., Lury C. (2007) *Global Culture Industry*. Cambridge: Polity.
- Latour B. (1998) Thought Experiments in Social Science: From the Social Contract to Virtual Society. *First Virtual Society?* Annual Public Lecture, Brunel University.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Latour B. (2010) Tarde’s Idea of Quantification. M. Candea (ed.) *The Social after Gabriel Tarde: Debates and Assessments*. London: Routledge.
- Law J. (2002) Objects and Spaces. *Theory, Culture & Society* 19(5/6): 91–105.

- Law J., Singleton V. (2005) Object Lessons. *Organisation* 12(3): 331-55.
- Lury C. (2009) *Topology: The Engaging of Multiplicity*, paper presented at the “Changing Cultures: Cultures of Change” conference, University of Barcelona.
- Mol A. (1999) Ontological Politics: A Word and Some Questions. J. Law and J. Hassard (eds) *Actor Network Theory and After*. Oxford: Blackwell.
- Mol A., Law J. (1994) Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology. *Social Studies of Science*, 24: 641-71.
- Mol A., Moser I., Pols J. (2010) *Care in Practice: On Tinkering in Clinics, Homes and Farms*. Bielefeld: Transcript Verlag.
- Office for National Statistics (2005) *Citizen Information Project: Better Sharing of Citizen Contact Information across the Public Sector*. London: HMSO.
- Parton N. (2008) Changes in the Form of Knowledge in Social Work: From the “Social” to the “Informational”? *British Journal of Social Work*, 38: 253-69.
- Pithouse A., Hall C., Peckover S., White S. (2009) A Tale of Two CAFs: The Impact of the Electronic Common Assessment Framework. *British Journal of Social Work*, 39: 599-612.
- Rajchman J. (2000) *The Deleuze Connections*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rogers R. (2009) Post-Demographic Machines. A. Dekker and A. Wolfsberger (eds) *Walled Garden*. Amsterdam: Virtueel Platform.
- Ruppert E. (2010) Making Populations: From Censuses to Metrics. L. Hempel, S. Krasmann and U. Brockling (eds) *Sichtbarkeitsregime: U"berwachung, Sicherheit Und Privatheit Im 21. Jahrhundert [Visibility Regimes: Monitoring, Security and Privacy in the 21st Century]*. Wiesbaden: VS Verlag.
- Ruppert E. (2011) *Population Objects: Interpassive Subjects*. *Sociology*, 45(2): 218-33.
- Savage M. (2009) Contemporary Sociology and the Challenge of Descriptive Assemblage. *European Journal of Social Theory*, 12(1): 155-74.
- Savage M., Burrows R. (2007) The Coming Crisis of Empirical Sociology. *Sociology*, 41(5): 885-99.
- Shaw I., Bell M., Sinclair I., Sloper P., Mitchell W., Dyson P., et al. (2009) An Exemplary Scheme? An Evaluation of the Integrated Children’s System. *British Journal of Social Work*, 39: 613-26.
- Strathern M. (2000) *Abstraction and Decontextualisation: An Anthropological Comment or: E for Ethnography*. Paper presented at the “Virtual Society? Get Real!” conference, Cambridge, University of Cambridge, 4-5 May.
- Thrift N. (2005) *Knowing Capitalism*. London: Sage.
- Varney and Sir David (2006) *Service Transformation: A Better Service for Citizens and Businesses, and a Better Deal for a Taxpayer*. London: HM Treasury.
- Wolf G. (2010) The Data-driven Life. *New York Times*, 26 April.
- Youth Justice Board (2010) *YOT Data Recording Guidance 2010/11*. Ministry of Justice. URL (consulted April 2012): <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk>.

Рекомендация для цитирования / For citations:

Рупперт Э. (2018) Государственные топологии устройств хранения баз данных. *Социология власти*, 30 (3): 165-192.

Ruppert E. (2018) The Governmental Topologies of Database Devices. *Sociology of Power*, 30 (3): 165-192.

Поступил в редакцию: 24.09.2018; принят в печать: 29.09.2018